

ПРИВЕТ, ДАВАЙ ПОГОВОРИМ

шэрон
дрейпер

ВОТ ЭТО
КНИГА!

10^{от}
до 14

Шэрон Дрейпер

Привет, давай поговорим

Серия «Вот это книга!»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48586484

Привет, давай поговорим: Розовый жираф; М.; 2019

ISBN 978-5-4370-0264-3

Аннотация

У Мелоди фотографическая память. Она помнит все, что видела и слышала за одиннадцать лет своей жизни, а слова и звуки имеют для нее вкус и цвет. Она умнее всех в школе. Вот только никто об этом не догадывается. Учителя думают, что девочка не поддается обучению, и из урока в урок повторяют с ней первые буквы алфавита. Казалось бы, куда проще – объяснить окружающим, сколько всего ты знаешь, что любишь, чего хочешь. Но попробуй объясни, если тело совсем тебя не слушается и простая человеческая речь кажется недоступной роскошью...

И все же скоро настанет день, когда Мелоди получит возможность произнести первые в своей жизни слова. Услышат ли ее?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	13
Глава четвертая	21
Глава пятая	30
Глава шестая	42
Глава седьмая	53
Глава восьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Шэрон Дрейпер

Привет, давай поговорим

Моей дочери, Венди Мишель Дрейпер, с любовью

Sharon Draper
Out of My Mind

Copyright © 2010 by Sharon Draper

© Ш. Дрейпер, текст, 2010

© О. Москаленко, перевод, 2012

© Н. Агапова, ZOLOTGroup, макет серии, 2011

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

Published by arrangement with Atheneum Books For Young Readers, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division. All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Глава первая

Слова.

Меня окружают тысячи, миллионы слов.

Цитадель. Майонез. Грейпфрут.

Миссисипи. Неаполитанец. Гиппопотам.

Шелковистый. Страшный. Радужный.

Щекотно. Чешется. Хочу. Тревожно.

Слова снежинками выются вокруг меня – все разные, двух одинаковых не найдешь – и, опускаясь, тихо тают на моих ладонях.

Внутри у меня вырастают сугробы – нет, целые горы из слов, фраз, умных мыслей, глупых шуток, песен.

В раннем детстве, когда мне еще не было года, слова казались мне сладким чудесным напитком. Я его пила, и все становилось на свои места: сумбурные мысли и ощущения получали имена. Родители разговаривали со мной – обо всем и ни о чем, по слогам и скороговоркой. Папа пел, мама шептала на ухо что-то ласковое.

Я все впитывала и запоминала – каждое слово, навсегда.

Не знаю, как я научилась разбираться в путанице слов и мыслей, это произошло само собой. К двум годам для каждого воспоминания у меня уже было свое слово и у каждого слова был свой смысл.

Но только у меня в голове.

Мне почти одиннадцать. За всю жизнь я не произнесла ни слова.

Глава вторая

Я не могу говорить. Не могу ходить. Не могу сама поесть или умыться. Со мной одни проблемы.

Руки почти не слушаются меня – я только нажимаю кнопки на пульте от телевизора и, вцепившись в рукоятки, управляю своей коляской. И то с трудом. У меня вечно все валится: ложка, карандаш. И сама я все время валюсь – прямо как Шалтай-Болтай.

Думаю, окружающие видят меня примерно так: в розовой инвалидной коляске сидит девочка с темными короткими кудряшками. Но, между прочим, розовая коляска – не такая уж великая радость. Цвет тут ничего не меняет.

У девочки любопытные карие глаза, один слегка косит.

И немного дергается голова.

А изо рта иногда течет слюна.

Она очень худенькая и маленькая для своих одиннадцати лет без трех месяцев.

У нее странно тонкие ноги – наверное, потому, что она ими никогда не пользовалась.

Ее тело живет своей собственной жизнью: иногда дернет-ся нога, иногда взлетит вверх рука, зацепив случайно оказавшийся на пути предмет – стойку с дисками, тарелку с супом, вазу с цветами.

Тело никак не желает слушаться девочку.

Посочувствовав моим многочисленным несчастьям, люди, скорее всего, замечают, что у меня приятная улыбка и милые ямочки на щеках – мне, во всяком случае, они нравятся.

Я ношу маленькие золотые сережки.

Мало кто спрашивает, как меня зовут. Большинству и в голову не приходит, что у меня есть имя. Но оно есть. Меня зовут Мелоди.

Я помню себя с очень раннего возраста, с пеленок. Правда, сейчас трудно понять, что я помню из жизни, а что из папиных видеозаписей, ведь я смотрела их столько раз.

Вот мама возвращается со мной из роддома. Она улыбается, но как-то растерянно.

Вот малышку Мелоди купают в розовой ванночке. У меня тонкие ручки и ножки. Я лежу спокойно, совсем не брызгаюсь.

Вот Мелоди, обложенная подушками, – на диване в гостиной. Мне хорошо, я улыбаюсь. Мама говорит, в детстве я почти не плакала.

Вот мама смазывает меня детским маслом после купания. До сих пор помню его лавандовый запах. Потом она заворачивает меня в пушистое полотенце с капюшоном.

Папа снимал на видео, как меня кормят, переодевают, даже как я сплю. Он все ждал, когда я научусь переворачиваться, сидеть, ходить. А я так и не научилась.

Зато я, как губка, впитывала звуки, запахи, вкусы. Свист

чайника на кухне по утрам. Запах нагретой пыли, когда солнце заглядывает в окна.

Или как щекотно бывает в носу, перед тем как чихнешь.

А еще я полюбила музыку. Каждая однажды услышанная мелодия остается со мной навсегда. Я засыпала под теплые, пахнущие сном и уютom колыбельные. Я улыбалась, если мелодия мне нравилась. Музыка внутри меня никогда не умолкает, она будто переливается разными цветами. Когда я слышу музыку, я вижу цвета и улавливаю запахи.

Маме нравится классическая музыка. Весь день она готова слушать безбрежные рокошующие симфонии Бетховена. Они небесно-голубые и пахнут свежей краской.

Папа любит джаз. Стоит маме выйти из кухни, он подмигивает мне, вытаскивает из проигрывателя диск с Моцартом и включает Майлса Дэвиса или Вуди Германа. Джаз желто-коричневый, он пахнет густой липкой глиной. Мама его не выносит – наверное, поэтому папа не может отказать себе в удовольствии немного похулиганить.

– У меня от твоего джаза все чешется, – хмурится мама, как только слышит первые ноты.

Папа подходит к ней, начинает в шутку почесывать ей плечи и спину, потом сгребает в охапку. И мама сменяет гнев на милость. Но как только папа уходит, она возвращает свой диск на место.

А я больше всего люблю кантри: даже не знаю, чем меня так привлекает сочетание громкого надрывного пения

и бренчания на гитаре. У музыки кантри лимонный вкус. Только она не просто кислая на вкус, а пряно-сладкая, как лимонная глазурь или как холодный искрящийся лимонад. Каждый аккорд – лимонный праздник! Обожаю кантри и обожаю лимоны!

Помню, я была совсем малышкой, мама кормила меня на кухне завтраком. И вдруг из радиоприемника звучит:

*Эльвира, Эльвира!
Со мной моя Эльвира!
И я пою:
Ум-па-па, ум-па-па, Хей-хо...*

Откуда-то я уже знала эту песню – наверное, слышала по телевизору или по радио, вот и запомнила. Я аж завизжала от радости и чуть не выпала из стульчика. Изо всех сил я пыталась показать на приемник, а выходили только гримасы, да руки с ногами судорожно дергались. Мне очень хотелось снова услышать эту песню. Но мама ничего не поняла: только смотрела на меня растерянно, как на сумасшедшую.

Откуда мама могла знать, что песня «Эльвира» группы «Окридж бойз» мне ужасно понравилась, если я сама не сразу это поняла? Как было объяснить, что она вся состоит из золотисто-зеленых цитрусовых нот и пахнет только что разрезанным лимоном?

Если бы я могла удержать в руках кисть – такая бы вышла картина, класс!

Качнув головой, мама поднесла к моему рту следующую ложку яблочного пюре. О скольком же она не догадывается...

Я рада, что ничего не забываю. В моей памяти находится место для каждого прожитого мига. Хотя толку от этого мало, ведь я ни с кем не могу поделиться своими воспоминаниями, не могу ни о чем рассказать.

Вообще у меня в голове засело много всякой ерунды: я помню, как к нёбу прилипло несколько овсяных хлопьев, помню, как однажды плохо прополоскала рот и полдня не могла избавиться от привкуса зубной пасты.

В памяти прочно сидит утренний запах только что сваренного кофе, он смешивается с запахом жареной ветчины и с выкриками разносчиков газет.

Но больше всего места в моей памяти занимают слова. Вокруг миллионы слов, и все, кого я знаю, пользуются ими легко, даже не задумываясь.

Ведущие телемагазина: «Купите две наших чудо-швабры и получите третью в подарок. Спешите! Предложение ограничено!»

Почтальон – маме: «Доброе утро, миссис Брукс! Как дочка? Растет?»

Церковный хор: «Аллилуйя, аллилуйя, аминь!»

Продавщица в супермаркете: «Спасибо за покупку! Приходите к нам еще».

Любой может сказать все словами. Любой, но не я. Увере-

на, большинство людей даже не понимают, какая сила таится в словах. А я понимаю.

Мыслям нужны слова. Словам нужен голос.

Мне нравится, как пахнет мамин шампунь.

Мне нравится прикасаться к папиной небритой щеке.

Но я не могу им об этом сказать.

Глава третья

Я не сразу поняла, что отличаюсь от других. Я быстро соображаю, легко запоминаю любую мелочь, так почему же у меня не получается делать, что делают все? Это было странно. Конечно, я злилась.

Однажды – мне еще года не было – папа принес белого игрушечного котенка, мягкого и пушистого, как раз для неуклюжих детских пальчиков. Я сидела, надежно пристегнутая в детском кресле-качалке, и рассматривала свой мир: зеленый ковер и такой же зеленый диван. Мама вложила мне в руки котенка. Я разулыбалась.

– Ой, какого тебе папочка принес шкодика, – тоненько засюсюкала мама. Взрослые часто так разговаривают с детьми.

«Что еще за шкодик?» – подумала я. Тут, бывает, не сразу сообразишь, что обычное слово значит, а они еще выдумывают всякое...

Мне нравилось держать котика: мех оказался прохладным, гладким, приятным на ощупь. Потом я уронила игрушку на пол. Папа снова вложил ее мне в руки. Я изо всех сил старалась удержать котика, но ничего не вышло: игрушка упала. Я заревела от обиды.

– Ну, попробуй еще раз! – Помню, папа меня успокаивает, а у самого голос такой расстроенный. – Давай еще разок, все получится.

Снова и снова он вкладывал мне в руки игрушку, но я никак не могла ее удержать, роняла на зеленый ковер.

А сколько раз на этот ковер падала я сама! Хорошо его помню: он был довольно страшненький, особенно вблизи – наверное, ворс на нем вытерся еще до моего рождения. Упав, я не могла подняться или перевернуться, поэтому до прихода кого-нибудь из родителей мне оставалось только лежать, уткнувшись лицом в колючий ковер, воняющий прокисшим соевым молоком, и разглядывать переплетение нитей.

Иногда родители сажали меня не в детское креслице, а прямо на пол, обложив подушками. А мне так хотелось посмотреть на золотистые пылинки, танцующие в солнечном луче, я пыталась повернуться и – бах! – падала лицом в пол. На плач прибегал кто-то из родителей, поднимал меня, успокаивал и усаживал обратно в подушки, но через пару минут я снова оказывалась на полу.

Тогда папа старался меня рассмешить: пускался прыгать, как лягушонок из детского сериала «Улица Сезам», а я начинала хохотать – и опять падала. Я не хотела падать, но по-другому никак не получалось. Пыталась удержать равновесие, а тело меня не слушалось.

Я тогда еще ничего про себя не понимала, зато папа понимал. Он вздыхал и усаживал меня к себе на колени, крепко обнимал и подносил к моим рукам того котенка или другую игрушку, чтобы я могла их потрогать.

Папа тоже иногда изобретал всякие «детские» слова, но

никогда не сюсюкал со мной, как мама. Он разговаривал так, будто я уже взрослая, – считал, что я все понимаю. Он был прав.

– Нелегко тебе придется, Мелоди, – задумчиво говорил он. – Если бы я мог поменяться с тобой местами – не колебался бы ни секунды. Веришь мне?

В ответ я могла только моргнуть. Я прекрасно понимала, о чем он. Иногда в глазах у него блестели слезы. А как мне нравилось, когда поздно вечером папа брал меня на руки и выносил на улицу: мы смотрели на небо, и он шептал мне на ухо про звезды, луну и ночной ветер.

– Малышка, звезды смотрят прямо на тебя. Видишь, подмигивают? А ветерок чувствуешь? Он прилетел пощекотать тебе пяточки.

Иногда днем папа снимал с меня старательно намотанное мамой одеяло и подставлял мои ноги и руки теплему солнцу.

Возле крыльца папа повесил кормушку: мы с ним любили наблюдать за птицами.

– Смотри, вот эта красная птичка – кардинал, а вот голубая сойка. Они не особо ладят, – с улыбкой рассказывал он.

Но чаще всего папа мне пел. Он любит «Битлз», и голос у него звонкий, будто специально созданный для их песен. Ходит по дому и распевает – про любовь, про вчерашний день... Чем они ему так нравятся? Нет, родителей иногда невозможно понять.

У меня очень чуткий слух. Я быстро научилась узнавать

по звуку папину машину: вот он подъехал к дому, свернул к гаражу, ищет в кармане ключи от дома. Заходит, бросает ключи на нижнюю ступеньку лестницы и идет на кухню. Хлопает дверца холодильника – один раз, потом второй: сначала папа достает что-нибудь попить, потом отрезает большой кусок своего любимого «Мюнстера». Он любит сыр, а вот его желудок – не очень. Папа у меня просто чемпион по самым громким и вонючим пукам. Не знаю, как ему удастся – если вообще удастся – сдерживаться на работе, но дома он точно не усложняет себе жизнь. Он начинает подниматься по лестнице, и я слышу: пук, пук, пук – на каждой ступеньке.

Наконец он заходит в комнату, я широко улыбаюсь.

Папа наклоняется над кроватью, целует меня. От него всегда пахнет мятной жвачкой.

Если у папы есть время, он мне читает. Даже когда ужасно устал на работе – все равно с улыбкой выбирает на полке книжку, а то и две, и вот мы уже вместе бродим «Там, где чудища живут»¹ или смеемся над выходками «Кота в шляпе»².

Я, правда, выучила их все наизусть давным-давно – раньше папы, наверное. «Баю-баюшки, луна!»³, и «Дорогу утя-

¹ Детская книга американского писателя и иллюстратора Мориса Сендака. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

² Детская книга американского писателя и мультипликатора Доктора Сьюза (Теодора Сьюза Гейзеля).

³ Американская детская книга в стихах, написанная Маргарет Уайз Браун, с иллюстрациями Клементы Херда.

там!»⁴, и все-все, что папа читал мне хоть раз, я помню слово в слово.

В общем, с головой у меня все в порядке, с памятью тоже. Такую память, как у меня, называют фотографической: щелк – и услышанное или увиденное остается со мной навсегда.

Как-то по телевизору показывали передачу про детей-гениев, которые с первого раза запоминают длинные ряды цифр, по памяти воспроизводят последовательность слов и картинок и читают наизусть целые поэмы. Я тоже так могу.

Я помню десятизначные телефоны, адреса и веб-сайты из всех рекламных роликов. Так что если мне вдруг понадобится обзавестись набором суперострых ножей или чудо-тренажером – пожалуйста, могу связаться с продавцами хоть сейчас.

Я помню по именам ведущих всех телешоу, знаю, когда и на каком канале они выходят в эфир и когда будет повтор передачи. Помню каждую реплику участников, могу дословно воспроизвести все рекламные паузы.

Как же иногда хочется иметь волшебную кнопку, чтобы удалять из памяти все ненужное!

К правому подлокотнику моей коляски прикреплен пульт от телевизора, к левому – от радио. Я умею попадать по кнопкам всей кистью или большими пальцами и переключать каналы и станции. Это очень кстати: я бы свихнулась,

⁴ Детская сказка американского писателя Роберта Мак-Клоски с иллюстрациями автора.

если бы пришлось смотреть дни напролет какой-нибудь «телемагазин» или чемпионат по вольной борьбе. Могу даже отрегулировать громкость или включить *DVD*, если в проигрывателе есть диск. Папины старые видеозаписи, на которых мне меньше года, я пересматривала тысячу раз.

А еще я люблю передачи про королей и королев, про докторов и болезни. Я много чего посмотрела по кабельному: про вулканы и гигантских акул, про собак с двумя головами и египетские мумии – и каждую передачу помню слово в слово.

Только пользы от моей идеальной памяти мало, ведь о ней никто не подозревает; даже мама, хоть и понимает меня благодаря так называемому «материнскому чутью», о многом не догадывается.

И никто не догадывается. Никто. С ума сойти можно.

Я и схожу иногда, совершенно теряю над собой контроль. Руки и ноги начинают резко, беспорядочно дергаться. Тело напрягается, выгибается, даже кожа на лице как будто стягивается. Становится нечем дышать, я визжу, хриплю и отчаянно хватаю ртом воздух. Это не судороги: после судорог наваливается усталость, хочется спать. А такие срывы – совсем другое. Все, что какое-то время накапливалось у меня внутри, извергается потоком, лавиной – так я себе это представляю. Я не в силах остановить эту лавину, хоть и стараюсь. Знаю, что выгляжу отвратительно в такие моменты, что люди пугаются, но ничего не могу поделать.

Однажды – мне было года четыре – мы с мамой поехали в огромный торговый центр, где можно купить все на свете: от пакета молока до двуспальной кровати. Мама усадила меня в детское сиденье на тележке и подложила по бокам подушки, чтобы я не падала. Все шло отлично. Мама уже успела кинуть в тележку туалетную бумагу, порошок, зубную пасту. Я радостно озиралась.

И вдруг в отделе игрушек я увидела наборы ярких пластмассовых кубиков. Только сегодня утром в новостях рассказывали, что всю партию кубиков отзывают из магазинов, потому что в красителях обнаружен свинец, несколько малышей уже лежат в больнице с отравлением. А кубики так и не убрали с прилавка!

Я показала на них.

– Нет, моя сладкая. – Мама покачала головой. – У тебя и так полно игрушек. Мы не будем это покупать.

Я снова показала на кубики и взвизгнула. Задергала ногами.

– Нет-нет! И не устраивай мне истерику. – Мамин голос зазвучал строже.

Мне не нужны были эти злосчастные кубики, я просто хотела объяснить, что они опасны, – хотела, чтобы мама попросила кого-нибудь их убрать, пока не пострадали другие дети. Но я могла только судорожно дергаться, показывать на кубики и визжать. И я старалась визжать погромче.

Мама, толкая тележку, выбежала из отдела игрушек.

– Прекрати! – кричала она.

А я, если бы и захотела, не могла уже прекратить. Я страшно злилась, что она меня не понимает. Начался очередной срыв. Мышцы натянулись как струны, тело выгнулось. Я истошно вопила, молотила прямыми, будто деревянными руками и ногами по тележке, по маме, пыталась показать, что надо вернуться в отдел игрушек.

В магазине было полно людей. Некоторые останавливались и удивленно таращились на нас, другие смущенно отводили взгляд.

Мама подбежала к выходу и подхватила меня на руки, бросив тележку вместе со всеми покупками.

Машину мама открывала со слезами на глазах. Пристегнула меня, уселась за руль и спросила, чуть не срываясь на крик:

– Ну, в чем дело, что с тобой не так?

То есть она, конечно, прекрасно знала, что со мной не так, но уж слишком необычно я себя вела. Еще пару минут я хрипела и хватала воздух ртом, потом задышала нормально и успокоилась. В конце концов, может, люди все-таки смотрели новости и не купят эти кубики?

Дома мама вызвала врача и рассказала ему о моем припадке. Врач выписал успокоительное, но мама не стала его давать, потому что я уже вела себя совершенно нормально.

Так она и не поняла, что я пыталась ей сказать в тот день.

Глава четвертая

Врачи. Даже не знаю, с чего начать. Они совсем, совершенно меня не понимают. Мама работает медсестрой, умеет говорить с ними на одном языке. А вот они вообще не умеют со мной говорить, ни на каком языке.

За мою недолгую жизнь как минимум полсотни докторов пытались разобраться, что со мной делать, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Поэтому я махнула рукой и веду себя с врачами как умственно отсталая: сижу, уставившись в одну точку, и делаю вид, что не понимаю вопросов. Короче, делаю то, чего они от меня ждут.

В пять лет ребенка положено определять в школу, и мама повела меня к очередному врачу. Он должен был разобраться, хорошо ли я соображаю. Мама вкатила коляску в кабинет, поставила на тормоз и проверила ремень: если он растегнется (такое иногда случается), я соскользну с сиденья, как спагетти с вилки.

Врач оказался огромным дядькой. Ого, какой великан, подумала я. Нижняя пуговица на рубашке расстегнута, и виден необъятный живот.

– Меня зовут доктор Гризли, – произнес он раскатистым басом.

И имечко в самый раз. Нарочно не придумаешь.

– Ну что, маленькая, давай поиграем? Я буду задавать тебе вопросы, а ты бери игрушечки со стола и играй. Договорились?

И так целый час? Ну, придется помучиться.

Откуда-то из-под стола он вытащил обшарпанные деревянные кубики – крашенные, но, будем надеяться, без свинца, – а потом наклонился надо мной, хоть пересчитывай у него все поры на носу. Я почувствовала себя Гулливером среди великанов.

– Пожалуйста, собери из этих кубиков пирамидку, – произнес он медленно и громко, будто у меня еще и проблемы со слухом: в том, что я плохо соображаю, он и так не сомневался.

Ну и кто тут, спрашивается, плохо соображает? Как я должна ее собирать, если я даже не могу взять кубики в руку? Я бы не сложила эту пирамидку даже за все сокровища мира, хотя отлично представляла себе, как это сделать. Резким движением руки я сбросила кубики со стола – они с грохотом рассыпались по полу. Доктор Гризли забавно пыхтел и охал, пока их собирал, – я еле сдержала смех.

Потом он извлек из стола карточки – у каждой в середине цветной кружок.

– Так, Мелоди, скажешь мне, когда я покажу голубую карточку. – По тону было понятно, что он считает это задание пустой тратой времени, все равно не справлюсь.

Когда он показал картонку с голубым кружком, я указала

на нее и выдала что-то вроде «Гы-а».

– Гениально! Восхитительно! Отлично! – завопил он с таким воодушевлением, будто я как минимум прошла по конкурсу в университет. Жалко, что я не умею презрительно фыркать.

В ответ на зеленую карточку я дернула ногой и попыталась произнести звук «з», но вышло только мычание. Доктор Гризли сразу увял.

Он что-то нацарапал в блокноте, вытащил еще одну стопку карточек и все так же громко, растягивая слова, стал объяснять:

– Мелоди, сейчас будут трудные задания, так что постарайся.

Я спокойно смотрела, как он раскладывает передо мной карточки.

– Первое задание. Найди лишний предмет.

Похоже, он насмотрелся «Улицы Сезам».

На карточках были нарисованы помидор, вишня, красный воздушный шарик и банан. Я сразу догадалась, что лишний – шарик, но так слишком просто и неинтересно. Поэтому я выбрала банан – потому что он не красный и не круглый.

Доктор Гризли что-то со вздохом записал в блокнотике.

– Перейдем ко второму заданию.

Он выложил карточки с лисицей, волком, собакой и тюленем: нужно показать, у кого из них детенышей называют щенками.

«Планета животных» – мой любимый канал. Как можно не знать, что у всех этих животных детенышей называют щенками? Я-то думала, что врачу полагается быть умным. И что ему ответить? Очень аккуратно я по очереди дотронулась до всех четырех карточек. И повторила то же самое еще раз – чтобы доктор понял наверняка. Но я зря старалась.

Он пробормотал себе под нос «собака» и снова уткнулся в блокнот. Похоже, он окончательно поставил на мне крест.

На полке в кабинете стояла книжка с обложкой, очень похожей на нашу с папой любимую «Баю-баюшки, луна!». Только название на испанском. Вот бы посмотреть ее, думала я, но как объяснить, чего я хочу?

Я миллион раз видела все выпуски «Улицы Сезам», знала наизусть все мультики про испанскую девочку Дору, часами смотрела испанские каналы и неплохо научилась понимать испанский язык – главное, чтобы не сильно тараторили. Уж по крайней мере, чтобы прочесть название книжки, моего словарного запаса вполне хватило. Но доктору Гризли это не интересно.

И музыка ему не интересна. А я помнила слова и мелодии сотен песен, могла воспроизвести по памяти целую симфонию – у себя в голове.

И знала все цвета, названия всех геометрических фигур и всех животных, какие полагалось знать детям моего возраста, и еще кучу всего, чего мне знать пока не полагалось. Я легко считала в уме до тысячи и обратно. И узнавала на кар-

точках сотни слов. Только никто об этом не подозревал.

А этот доктор Гризли и за тысячу лет, даже в самом прекрасном медицинском колледже, не научился бы меня понимать. Поэтому я сделала «умственно отсталое» лицо и стала вспоминать, как прошлым летом мама водила меня в зоопарк. Слоны там были классные, но воняло от них ужасно! Доктор, кстати, чем-то напомнил мне одного из них. Ни он, ни мама не поняли, чему я улыбаюсь. Приговора мы ждали в приемной. Доктор Гризли не долго раздумывал, и скоро нас пригласили обратно в кабинет.

Почти все взрослые почему-то считают, что я плохо слышу. Говорят обо мне прямо при мне, будто я пустое место: чего стесняться недоразвитой? Зато сколько всего интересного узнаешь! Но доктор Гризли вообще всех переплюнул. Он даже не пытался деликатничать и совершенно без подготовки вывалил на маму все гадости, какие только мог придумать. Ей, наверное, показалось, что ее переехал грузовик.

– Миссис Брукс... – доктор Гризли прочистил горло, – у вашей дочери Мелоди – крайняя степень умственной отсталости, вызванная обширным повреждением мозга.

М-да, несмотря на свои пять лет, я сразу поняла, что дела мои плохи: в благотворительных телемарафонах такие слова звучали не раз. Стало трудно дышать.

Мама вздрогнула и целую минуту не могла ничего сказать. Наконец, выдохнув, она нерешительно заговорила:

– Но я точно знаю, что она умная девочка. Это же видно

по глазам.

– Вам так кажется, потому что вы мать, вы ее любите. Человеку свойственно приукрашивать. – Доктор Гризли был сама любезность.

– А я вам говорю, что она все понимает. Более того, она умнее многих других детей. Я уверена в этом.

– Конечно, нелегко сразу принять, что ваш ребенок не такой, как все. На это требуется время. У нее церебральный паралич, миссис Брукс.

– Я знаю ее диагноз, – ледяным голосом ответила мама. – Но человек не сводится к строчке в медицинской карте.

Отлично, мамочка, ты ему показала!

Но мамина уверенность таяла на глазах, сменяясь беспомощностью.

– Она смеется над шутками ровно там, где надо смеяться, – закончила мама почти неслышно. Этот аргумент показался малоубедительным даже мне, но я понимала маму: а как еще объяснишь, что у человека с мозгами все в порядке?

Доктор Гризли посмотрел на меня, покачал головой.

– Вам еще повезло, что она способна смеяться и улыбаться. Но она никогда не сможет самостоятельно есть, передвигаться, не произнесет ни единой фразы. Не сможет себя обслуживать. Максимум, чему она научится, – понимать простые просьбы. Смиритесь, и это избавит вашу семью от множества проблем в будущем.

Да уж, яснее не скажешь!

Вообще-то мама почти не плачет, но тут ее как прорвало. Она рыдала и не могла остановиться. Обо мне забыли: мама давилась слезами и хлюпала носом, а доктор подсовывал ей бумажные салфетки и бормотал что-то утешительное.

В конце концов он сказал:

– У вас с мужем два варианта. Вы можете оставить все как есть, пусть девочка живет дома. А можете отдать ее в специализированный интернат для детей с задержкой умственного развития. Правда, у нас поблизости подобных заведений нет.

Интересно, кто выдумывает все эти «необидные» слова для обозначения таких детей, как я?

В ответ мама только сдавленно пискнула. А доктор Гризли продолжал ее добивать:

– А еще вы можете определить Мелоди в психиатрическую клинику. Там за ней будут хорошо присматривать. – Он достал из ящика стола яркую брошюру с улыбающимся мальчиком в инвалидной коляске на обложке и сунул маме в руки.

Я вздрогнула.

– Вот смотрите: Мелоди сейчас... э-э... пять лет. В таком возрасте дети отлично адаптируются к новым условиям и среде. Зачем вам с мужем лишние проблемы? Вы будете спокойно жить дальше, а она быстро о вас забудет.

Я с ужасом смотрела на маму. Я не хотела, чтобы родители от меня избавлялись. Разве я для них такая обуза? Никогда

не думала об этом раньше. А вдруг и правда обуза? Горло сжал спазм. Руки и ноги в одно мгновение стали ледяными.

Мама не смотрела на меня. Глядя прямо в глаза доктору Гризли, она яростно скомкала глянцевую брошюру. Поднялась с кресла.

– Послушайте, доктор! Никогда и ничто – слышите? – никогда и ничто не заставит меня отправить Мелоди в лечебницу!

Я на секунду зажмурилась. Неужели моя мама умеет *так* говорить? А когда я открыла глаза, мама стояла вплотную к доктору Гризли.

– И знаете что? – Брошюра полетела в мусорную корзину. – Вы злой, бесчувственный человек. Надеюсь, все ваши дети будут совершенно здоровы, иначе вы их, чего доброго, выкинете на помойку!

Доктор Гризли удивленно заморгал.

– И еще, думаю, вы ошибаетесь – нет, не думаю, я в этом уверена! Мелоди в миллион раз умнее вас, хоть все стены обклейте своими красивыми дипломами и сертификатами!

Теперь зажмурился доктор.

– Вам все досталось легко. Ваш организм работает исправно. Вам не приходилось прилагать массу усилий для того лишь, чтобы вас поняли!... Диплом у него, видите ли!

У него хватило ума слушать молча, пристыженно глядя в пол.

Маму было не остановить:

– Вы всего лишь везунчик. Мы все везунчики, можем управлять своим телом. А Мелоди не повезло: весь мир против нее с самого рождения. А она тем не менее в нем живет, понимает других и хочет, чтобы понимали ее! Да она умнее нас всех!

Мама развернулась и выкатила меня из кабинета. В приемной мы хлопнули друг друга по рукам – по крайней мере я очень старалась попасть кулаком по маминой ладони. Мне стало тепло и хорошо.

– Прямо сейчас едем на Сполдинг-стрит и записываем тебя в школу, – решительно сказала мама, направляясь к машине. – Нечего откладывать.

Глава пятая

Уже пять лет я хожу в школу – самую обычную. Такие показывают в телепередачах и фильмах. И дети в ней учатся самые обычные.

Дети играют на переменах и сломя голову бегут в класс по звонку.

Дети катаются зимой по замерзшим лужам, а весной пускают в них кораблики.

Дети кричат и толкаются.

Дети точат карандаши, решают у доски задачки и читают вслух стихи.

Дети пишут контрольные и записывают тетрадки в портфель.

Дети скатывают из хлебного мякиша шарики и бросаются ими в столовой.

Дети поют в хоре, учатся играть на скрипке, ходят после уроков в танцевальные и гимнастические кружки.

Дети играют в волейбол на физкультуре.

Дети ссорятся и мирятся, разыгрывают одноклассников и доверяют друг другу секреты.

Дети редко замечают таких, как я.

Каждое утро меня забирает от дома автобус «для учащихся с особыми потребностями» (так он официально называется), оборудованный специальным подъемником для ин-

валидных колясок. Остановившись возле школы, водитель обязательно проверяет, надежно ли застегнуты все ремни, и только потом спускает нас по одному – в инвалидных колясках, в ходунках-опорах, на костылях. У автобуса нас встречает специально подготовленный персонал – помощники: с девочками работают женщины, с мальчиками – мужчины. «Колясочников» катят до школы; тем, кто худо-бедно может передвигаться самостоятельно, помогают дойти.

В хорошую погоду мы ждем начала уроков во дворе. Мне нравится наблюдать, как «нормальные» дети веселятся – играют в «квадрат». Они машут своим друзьям, зовут их играть, только к нам никогда не подходят. Нет, мы бы все равно не смогли гонять с ними мяч, но было бы приятно просто услышать «привет». Наверное, они считают нас совсем отсталыми, потому и не замечают – будто мы невидимки.

Как же я была счастлива, когда мама записала меня в школу! Я надеялась каждый день узнавать что-то новое. А оказалось, что школа нужна, просто чтобы чем-нибудь меня занять и чтобы родителям не сидеть со мной весь день дома, вот и все. Во втором и третьем классе я гораздо больше усвоила из передач на научно-популярных каналах, чем на уроках. Конечно, учителя у нас были хорошие – за парой исключений, но все равно, они же не обладают, как Супермен, «рентгеновским» зрением и не могут видеть, что творится у меня в голове.

Как и другие дети «с ограниченными возможностями», я

учусь по специальной программе. Со второго класса состав нашего «учебного сообщества» – нашли как нас обозвать! – не менялся. Сейчас самому младшему у нас девять лет, старшему – одиннадцать. У нас нет отстающих и нет «звезд». Из года в год нас учат одному и тому же, мы даже сидим в одном и том же кабинете, меняются только учителя. Во втором классе с нами занималась миссис Трейси. В третьем тем же составом мы угодили в лапы к миссис Биллапс – жаль, что не бывает звания «худший учитель Вселенной», ей бы подошло.

Всего в нашей начальной школе шесть таких «учебных сообществ», в них учатся дети с разными отклонениями: от малышей-подготовишек, которым по пять лет, до здоровенных ребят, которым по возрасту давно уже пора быть в средней школе, а не в началке.

Наш специализированный класс, в котором мы безвылазно сидим вот уже пять лет – официально он называется СК-5, – идеально подошел бы для ясельной группы. Он весь такой желто-розовый, на одной стене нарисовано гигантское солнце с растопыренными лучами и с улыбкой во весь рот, ниже такая же гигантская радуга и куча всевозможных цветочков – естественно, улыбающихся. По противоположной стене скачут нарисованные зайчики, котята и щенята, среди одинаковых идеально белоснежных облачков летают ласточки – тоже улыбаются. Но я-то давно вышла из ясельного возраста, мне почти одиннадцать, и от всех этих счастливых толстопопых зайчиков-щеночков меня уже тошнит.

Самая младшая в нашем классе – Эшли: ей девять. Но выглядит она как трехлетний ребенок. Эшли ездит на почти кукольной инвалидной коляске. Вот ее, кстати, часто по-настоящему тошнит на уроках, иногда даже рвет. Эшли очень красивая, хоть на обложку журнала, хоть в кино: огромные глаза, длинные выующиеся волосы, крохотный острый носик. Мне она напоминает куклу – знаете, такие продаются в огромных ярких коробках. Только Эшли красивее. И одевает ее мама как куколку. Каждый день у Эшли новый, тщательно подобранный наряд: если блузка розовая, то и брючки ей надевают розовые, и носочки розовые, и заколочки того же цвета. Даже ногти красят розовым лаком.

Иногда на уроке нам полагаются так называемые «групповые виды деятельности» – ну, то есть мы делаем что-нибудь все вместе. Но Эшли почти никогда не участвует: тело у нее как деревянное и ей очень трудно что-то держать в руках.

Каждое Рождество нам приходится украшать ужасного пенопластового снеговика. Уж не знаю, как готовятся к празднику в других классах, но все учителя СК-5 неизменно вытаскивали на свет божий это двухметровое пыльное чучело. Доставали из какой-то коробки: три кое-как скрепленных, больших, пожелтелых от старости пенопластовых шара с пластмассовыми трубками вместо рук и носа.

Особенно любила уродца миссис Хайятт, которая учила нас в нулевом классе.

– Ну, детки, за работу! Сегодня мы будем украшать наше-

го любимого Сидни, – объявила она противным писклявым голосом, впервые выволакивая снеговика на середину класса. – Вот вам украшения, а вот чем их прикреплять: клей, зубочистки, липучка – все здесь! Давайте сделаем из него настоящего красавца.

Не знаю, скольким поколениям школьников служил до нас несчастный Сидни, но нам он достался в изрядно потрепанном виде: чтобы снеговик не валился на бок, пришлось прислонить его к стене. А потом миссис Хайятт раздала нам всем зеленые снежинки. Зеленые! Нет, мы, конечно, не дети-гении, но всему же есть пределы. Как можно украшать снеговика зелеными снежинками, коричневыми гирляндами и темно-фиолетовыми звездами?

– Тебе нравится Сидни, Эшли?

Тело Эшли так напряжено и ей так трудно им управлять, что на столике, прикрепленном к ее коляске, всего два слова – «Да» и «Нет». В ответ на вопрос учительницы Эшли наклоняет голову влево: «Нет». Поверьте, если бы могла, она пнула бы этого снеговика ногой.

Карл по сравнению с крошкой Эшли просто великан, хотя ему тоже девять. Коляску для него делали на заказ, чуть ли не в два раза шире обычной. Помощники, которые работают в нашем классе, усаживают его туда и поднимают сразу вдвоем. Зато руки его прекрасно слушаются. Он сам управляет коляской и даже может написать свое имя! А еще он может как следует врезать снеговiku!

Карл понатыкал в снеговика карандашей и линеек, даже в голову воткнул пару шариковых ручек. Миссис Хайятт хлопает в ладоши и визжит:

– Молодец, Карл! Умница! Такой творческий подход!

Карл хохочет. Он, кстати, умеет говорить, но только короткими простыми фразами. Выбирать выражения Карл не привык:

– Снеговик придурок! Придурок!

Думаю, он ненавидит Сидни не меньше моего. Как-то раз он приколот к его нижнему шару по подгузнику спереди и сзади. Учительница не стала их убирать. Уж в чем в чем, а в подгузниках Карл разбирается.

Если Карл ходит на уроке по-большому, а такое случается почти каждый день, вонь в классе стоит, как у обезьян в зоопарке. Помощники его не ругают. Они надевают резиновые перчатки, везут Карла в туалетную комнату, моют, переодевают в чистые спортивные штаны (Карл всегда носит трикотажные спортивные штаны) и снова усаживают в коляску. Вообще наши помощники достойны самой высокой награды – с нами очень непросто.

У Марии синдром Дауна, ей десять. Вот она любит Рождество по-настоящему! Как, впрочем, и Пасху, и День святого Валентина, и День Земли. Название праздника не имеет значения – Мария готова веселиться круглый год. Она вся такая кругленькая, прямо как наш снеговик, только болтает без умолку. Мне она нравится. Мое имя она так и не запом-

нила, называет меня «Мелодик» – ну и пусть себе называет, мне не жалко.

Каждый год, когда из кладовки появляется снеговик, Мария прыгает от радости. Она и правда его любит, единственная в классе.

– Ура! Ура! Пришел наш Сидник! Надо надеть на него шапочку! Можно я? Можно я? Вот мой красный шарфик, это ему! – И скачет вокруг пожелтевшего монстра.

Все наши учителя доверяли Марии украшать снеговика зелеными бумажными конфетами и звездами из фиолетовой оберточной бумаги. Мария целует каждое украшение и только после этого приклеивает к снеговiku. Перед уходом домой она обязательно обнимает своего «Сидника». А когда Рождество проходит и Сидни отправляется в кладовку, Мария рыдает.

Пусть Мария не очень умна в привычном смысле этого слова, зато она чувствует окружающих. Помню, как-то в классе она подошла ко мне и спросила, почему я такая грустная. А я и правда была грустная: накануне умерла моя любимая золотая рыбка – но Мария-то откуда могла об этом знать? Она крепко меня обняла, и мне стало легче.

Короче, Мария у нас постоянно обнимается. А вот Глория всегда раскачивается из стороны в сторону. Когда ее приводят в класс, она забивается в угол и сидит весь день, раскачиваясь, у стены с наклеенными цветами. Учителя стараются привлечь ее внимание, вытащить из угла, но она толь-

ко крепче обхватывает себя руками, будто замерзла, и продолжает раскачиваться. Кажется, у нее аутизм. Ходит она совершенно нормально и говорить может нормально, но только если захочет. Зато когда говорит, то ее всегда интересно слушать.

– Меня трясет от снеговика, – сказала как-то Глория в полной тишине, а потом умолкла до конца дня. За все годы она не прилепила к снеговiku ни единой снежинки, зато, когда включают рождественские песенки, она чуть распрямляется и почти перестает раскачиваться.

Следующий – Уильям Уильямс. То есть это ему родители дали такое имя, но в школе его все зовут просто Вилли. Ему одиннадцать. Не знаю, как называется его болезнь. Он часто издает пронзительные гортанные вопли, почти как настоящий тиролоц из рекламы шоколадок «Милка». А еще он иногда свистит, рычит и выкрикивает что-то непонятное. В общем, ни секунды не молчит и не сидит спокойно. Мне иногда кажется, будто он спит и ему снится кошмар.

Как только в классе появляется несчастный кособокий снеговик, главная задача учителя – следить, чтобы Вилли его не пнул и не повалил на пол. Не подумайте, что Вилли лупит снеговика от злости, просто руки и ноги у него постоянно в движении и он ничего не может с ними поделать.

Впервые Сидни отправился в нокаут при миссис Хайятт: радостным визгливым голосом она попросила Вилли украсить снеговика розовым бантиком. Вилли старался изо всех

сил, но через мгновение по полу покатались три отдельных шара, а розовый бантик улетел под учительский стол. А Вилли вопил и свистел. И, кажется, улыбался.

Думаю, если бы миссис Хайятт попросила Вилли украсить снеговика бейсбольными мячами, все было бы в порядке. Вилли *очень* любит бейсбол.

В первом классе у нас был мистер Гросс: он в основном играл с нами в «угадайку». На все вопросы – про бабочек, корабли и всякое такое – Вилли вопил или мычал, но если попадались вопросы про бейсбол, то из него сначала вылетал правильный ответ, а потом уже все остальные звуки.

Мистер Гросс:

– Кто из бейсбольных игроков впервые сделал шестьдесят хоум-ранов за сезон?

Вилли:

– Бейб Рут! – И вопль.

– А кто побил его рекорд в семьсот четырнадцать хоум-ранов?

– Хэнк Аарон! – Опять вопль.

– А кому принадлежит абсолютный рекорд по числу хитов? – Мистер Гросс явно удивлен.

– Пит Росс! Четыре тысячи двести пятьдесят шесть! Ы-ы-ы!

– Кто забил больше всего голов в истории футбола?

В ответ тишина. Ни единого звука от Вилли: футбол ему не интересен. Как и снеговик.

Иногда мне кажется, Вилли очень старается хоть немного посидеть спокойно, не вопить, не мычать, не дрыгать руками и ногами. Он зажмуривается, сосредоточенно морщит лоб, и тогда ему удастся продержаться пару минут. Но потом он делает глубокий вдох, будто вынырнул из-под воды, открывает глаза – и все по новой. И он становится грустным-грустным.

Наша Джилл немного волочит левую ногу, поэтому передвигается в ходунках. Она очень худенькая, бледная и спокойная девочка. Как только Сидни появляется в классе, взгляд у Джилл становится пустой и потухший – будто лампочка перегорела. А из глаз катятся слезы. Мистер Гросс пару раз подводил ее к Сидни, вкладывал в руку бумажные украшения, но все напрасно: с таким же успехом он мог просить о чем-то манекен в магазине. Я слышала, как кто-то из помощников рассказывал: малышкой Джилл попала с родителями в аварию. По-моему, нет ничего ужаснее, чем родиться нормальным ребенком, а потом стать таким.

Фредди у нас самый старший: ему почти двенадцать. Он ездит на коляске с электроприводом и страшно этим гордится. Проезжая мимо меня, он всякий раз говорит: «Фредди вж-ж-жик-р-ракета! Фредди вж-ж-жик-р-ракета!» Потом улыбается, изображает, будто надевает шлем, включает скорость коляски на максимум и едет через весь класс. И хотя скоростей в коляске всего две – медленно и еще медленнее, – Фредди чувствует себя настоящим гонщиком.

Он наматывает круги вокруг обшарпанного снеговика,

мечет в него звезды с липучками и прочую украшательную дребедень, повторяя один и тот же вопрос: «Сидни вж-ж-жик-ракета?»»

А что? Вилли уже пару раз отправил снеговика в нокаут, Карл понатыкал в нем дырок карандашами и ручками, так почему бы бедному Сидни не слетать на луну? Каждый год Фредди украшает снеговика парой-тройкой своих любимых наклеек с гоночными машинками или символикой НАСА — у него вся коляска такими обклеена. Фредди не знает, какое сегодня число или день недели, зато без запинки ответит, кто выиграл последние национальные автогонки.

Осталось рассказать только о себе.

Я ненавижу этого дурацкого снеговика, но старательно прикрепляю к нему украшения: проще сделать, чем объяснить, почему ты этого не хочешь.

На подлокотниках моей коляски закреплен прямоугольник оргстекла, который служит и столиком для еды, и планшетом для общения. Уже давно мама написала на нем маркером пару десятков самых нужных слов. Мне их не хватало, даже когда я была младше: ну что можно объяснить при помощи десяти существительных, десяти глаголов и прилагательных, нескольких имен собственных да парочки примитивных смайликов? Потом на планшете появились самые необходимые фразы. Но минимумом из «Мне нужно в туалет» и «Я хочу есть» не обойдется даже трехлетний малыш, не говоря уже о взрослом человеке!

Справа на столике написаны в столбик слова «Пожалуйста», «Спасибо», «Да», «Нет», «Возможно». Слева – имена членов семьи, одноклассников и учителей. Снеговiku, к счастью, места не нашлось.

В верхней части, в строчку, – алфавит и цифры, так что в принципе я могу составить любое слово и показать любое число, даже могу ответить, который час. Но если честно, как средство общения мой столик со словами годится разве что для малыша, который только-только учится говорить. Ничего удивительного, что меня считают умственно отсталой.

Ненавижу это словосочетание: умственно отсталый!

Я очень хорошо отношусь ко всем своим одноклассникам, понимаю каждого из них, как никто другой, но мы с ними совсем разные. Я будто живу в клетке, а двери нет и ключа нет – и я даже не могу никому объяснить, как выпустить меня на волю.

Подождите, я же забыла про миссис В.!

Глава шестая

Миссис Виола Валенсия – ну, или миссис В., для краткости, – наша соседка. Я знаю, что виолами называют ярко-сиреневые луговые фиалки, а в Валенсии зреют самые оранжевые в мире апельсины. А вместе – «Виола Валенсия» – звучит так же странно, как «сиреневый апельсин». Вот и моя миссис В. тоже странная. Она очень высокая – метр восемьдесят, не меньше. И ладони просто огромные! Думаю, она может удержать на ладонях пару баскетбольных мячей, и еще место останется. Моя мама рядом с ней – как девочка.

В первый раз я попала к миссис В., когда мне было года два. Раньше родители не оставляли меня с чужими людьми, сидели дома по очереди, но потом в их рабочих графиках начались накладки и пришлось искать няньку. Мама говорит, что именно миссис В. первая увидела меня после роддома и сразу взяла на руки, как самого обычного ребенка. Все родительские друзья боялись ко мне даже прикоснуться – только не миссис В.!

Она носит необъятные длинные платья – думаю, на них уходят километры ткани. Цвета выбирает совершенно невероятные! Ярко-розовый она легко сочетает с огненно-красным, дополняет персиковым и кирпичным. Ну и про оранжевый с сиреневым тоже не забывает. Миссис В. говорит, что

шьет себе наряды сама. Наверное, так оно и есть, потому что в магазинах я ни разу ничего подобного не видела, не говоря уж о больницах – раньше мама и миссис В. вместе работали медсестрами.

Мама рассказывала, что дети просто обожали миссис В. Даже на работе она никогда не изменяла себе: и в отделении недоношенных, и в онкологии, и в ожоговом миссис В. носила свои безумные платья. А если бы кто-нибудь отважился сделать ей замечание, услышал бы в ответ: «Цвет для этих детей означает жизнь и надежду!» Только вряд ли такие смельчаки находились.

Я помню наш с миссис В. первый день. Родители очень волновались, но миссис В. крепко меня обняла и усадила к себе на колени. Наверное, где-то в складках ее необъятных платьев прячется маленький микрофончик: голос у нее такой звучный – как только она открывает рот, все умолкают и слушают.

– Конечно, присмотрю! – не колеблясь ответила она.

– Но только Мелоди – она ведь... В общем, ты же знаешь, она отличается от других детей... – неуверенно заговорил папа.

– Все дети отличаются друг от друга, – отрезала миссис В. – У вашей дочери полно скрытых талантов, надо только их раскрыть. Вот я ей и помогу.

– Мы даже и не знаем, как тебя благодарить... – начал папа, но миссис В. только пожала плечами и сказала с улыбкой:

– Ничего, придумаете что-нибудь.

Вид у папы был дурацкий.

– Тогда я постараюсь на выходных закончить у тебя пандус. Съезжу только еще раз на лесосклад за досками.

– Вот и отлично, – кивнула миссис В.

– С Мелоди бывает тяжело, – предупредила мама.

– Ничего, мы и не такие тяжести таскали! – И миссис В. подняла меня повыше.

– Мы очень хотим, чтобы она полностью раскрыла весь свой потенциал, – зачем-то сказал папа.

– Послушайте, – не выдержала миссис В., – у меня от таких красивых слов уши вянут! Небось начитались книжек про детей-инвалидов? А вы забудьте, что там написано! Просто доверьте мне Мелоди – и увидите, на что она способна!

Папа аж язык проглотил от удивления. Потом улыбнулся и сказал:

– Тогда мы ее заберем лет эдак в двадцать.

– Нет уж, доставлю ее вам к ужину!

С тех пор почти ежедневно, пока родители были на работе, я по два-три часа проводила у миссис В. А когда меня отдали в школу, оставалась у нее после уроков – до вечера. Не знаю, сколько родители ей платили – но в деньгах такую помощь не оценить.

С самого начала миссис В. и не думала меня жалеть. Она не усаживала меня в принесенный родителями детский стульчик, а просто стелила посреди комнаты большое сте-

ганое одеяло и клала меня на него. Впервые оказавшись на спине на этом одеяле, я от неожиданности выпучила на нее глаза. И заплакала. Потом завизжала. А миссис В. невозмутимо вышла из комнаты и включила марш – звуки духового оркестра заполнили комнату. Музыка мне понравилась.

Вернулась миссис В. и положила на одеяло мою любимую резиновую обезьянку. Мне очень хотелось достать игрушку – она так забавно пищит, когда ее сжимаешь. Но десять сантиметров до обезьянки были все равно что десять километров. Я лежала на спине, как черепаха, – и ничего не могла сделать. Пришлось зареветь еще громче.

Миссис В. присела рядом со мной на одеяло.

– Давай переворачивайся, Мелоди, – тихо сказала она.

Надо же, оказывается, она умеет говорить спокойно и мягко! Меня это так удивило, что я даже прекратила вопить. Неужели она не знает, что я не могу перевернуться? Глупая, что ли?

Миссис В. вытерла мне нос бумажной салфеткой.

– У тебя получится, детка. Я знаю, что ты понимаешь каждое слово, и уверена: ты сможешь! Ну?

А ведь и в самом деле раньше я никогда по-настоящему не старалась перевернуться. Несколько раз я падала с дивана, было больно – с тех пор я предпочитала ждать, когда придут мама или папа и переложат меня поудобнее.

– Смотри, полдела сделано: ты уже на боку. Теперь не трать силы на рев, попробуй перевернуться совсем. Ну, со-

берись, взмахни правой ручкой!

Я послушалась: вся напряглась, потянулась, даже пукнула – миссис В. засмеялась. И понемногу, сантиметр за сантиметром, мое тело стало перекашиваться вправо. А потом – хлоп! – и я уже на животе. От гордости я даже завизжала.

– Ну, и что я тебе говорила? – Миссис В. не скрывала радости. – А теперь вперед, за обезьянкой!

Я уже поняла, что возмущаться бесполезно. От обезьянки меня отделяло не больше пяти сантиметров. Я старалась ползти, дрыгала ногами, но они никак не хотели слушаться. Тогда я поерзала на животе, ухватилась за одеяло и подтащила его к себе. Сейчас, еще чуть-чуть!

– Ах ты, хитрюга!

Я еще раз дернула одеяло на себя и наконец схватила игрушку. Обезьянка громко пискнула, будто тоже мне обрадовалась. Я засмеялась и еще несколько раз сдавила обезьянку, чтобы та запищала.

– Ты отлично потрудилась, Мелоди. Спорим, ты проголодалась?

И миссис В. меня накормила. Только сначала она дала мне ванильный молочный коктейль, а потом макароны с овощами. Правилу «сначала десерт – потом обед» она следует неукоснительно. И я всегда у нее все съедаю: и вкусняшки, и полезности. Такой у нас секрет.

И еще миссис В. единственная разрешает мне пить газировку: и колу, и спрайт, и фанту. Родители в основном дают

мне молоко и сок, а мне так нравятся щекотные пузырьки в носу. Больше всего из «вредных» напитков я люблю лимонный «Мелло-Йелло», иногда миссис В. так меня и называет.

Именно в доме миссис В. я научилась подтягиваться вперед на животе, а потом и ползать. Нет, до победы в соревнованиях по скоростному ползанию среди малышей мне было далеко, зато к трем годам я уже могла самостоятельно пересечь комнату. Я научилась переворачиваться со спины на живот и обратно – и все благодаря миссис В. Она со мной не церемонилась: сколько раз мне приходилось падать из коляски в разложенные на полу подушки, и не сосчитать.

– Если вдруг тебя забудут пристегнуть, ты будешь знать, как падать, а не то переломашь себе все кости, – громовым голосом убеждала меня миссис В.

Мне совсем не хотелось ломать себе кости, поэтому я тренировалась изо всех сил. Вечером миссис В., не забывая мне подмигнуть, докладывала родителям, как я хорошо покушала и покакала – почему-то взрослых это всегда волнует в первую очередь. Наши упражнения мы держали в тайне.

Пойдя в школу, я поняла, что правильно падать из коляски – далеко не самое важное. Я должна говорить! Иначе как же я буду учиться? Как отвечать на вопросы и как их задавать?

Я знала уйму слов, но не могла читать. У меня в голове вертелись тысячи мыслей, но я ни с кем не могла ими поделиться. К тому же никто не предполагал, что ученики из

спецкласса вообще могут чему-то научиться. Короче, свихнуться можно.

Когда мне пошел седьмой год, миссис В. наконец-то поняла, чего мне не хватает. Дело было так. Миссис В. забрала меня из школы, накормила карамельным мороженым и включила телевизор. На одном из каналов мы наткнулись на передачу про Стивена Хокинга⁵.

Я с интересом отношусь к любой информации о людях в инвалидных колясках. Я даже смотрю телемарафоны Джерри Льюиса, которые проводятся в пользу больных мышечной дистрофией. Так вот, оказалось, что у Стивена Хокинга очень серьезная болезнь: боковой амиотрофический склероз, если я не ничего не путаю; из-за этого он не может ни ходить, ни говорить. Но все равно он считается одним из самых умных людей в мире – и никто в этом не сомневается!

Наверное, ему тоже бывает тяжело – уж я-то знаю.

Передача кончилась. Я сидела очень тихо.

– Вы с ним похожи, правда? – спросила миссис В.

Я сначала показала на слово «Да», потом на «Нет».

– Не поняла, – почесала в затылке миссис В.

Тогда я показала на своем планшете «хотеть», затем «читать». И снова: «хотеть-читать, хотеть-читать».

– Я знаю, ты читаешь много слов, Мелоди.

Я показала на «еще». К глазам подступали слезы. «Еще.

⁵ Всемирно известный британский физик-теоретик, который, несмотря на тяжелую болезнь, активно занимается наукой и популяризацией науки.

Еще. Еще».

– Мелоди, что бы ты выбрала – уметь ходить или говорить?

«Говорить, – показала я на планшете. – Говорить. Говорить. Говорить».

Сколько же всего я хочу сказать!

И миссис В. принялась за решение новой задачи: научить меня говорить. Она стерла все слова с планшета, и мы начали «с чистого листа». Новые слова миссис В. писала как можно мельче, чтобы побольше поместилось. Вскоре на планшете не осталось ни одного свободного сантиметрика: он весь был исписан именами и характеристиками моих знакомых, вопросами, которые я могла бы задать, самыми разными глаголами, существительными, прилагательными, местоимениями – теперь я могла составлять почти нормальные предложения! Я могла спросить, например, «Где мой ранец?» или поздравить маму – «С днем рождения, мама!», показывая на слова большим пальцем.

Кстати, большие пальцы на руках меня отлично слушаются. Остальное тело все наперекосяк, будто пальто, застегнутое не на те пуговицы, а эти два пальца совершенно нормальные, у меня к ним никаких претензий. Вот такая шутка природы.

Каждый раз, когда миссис В. добавляла новые слова, я быстро их запоминала, составляла с ними предложения и требовала еще. Мне хотелось *читать*!

И тогда миссис В. стала делать карточки.

На розовых были существительные. На голубых – глаголы. На зеленых – прилагательные. Стопки карточек росли и росли. Сначала я научилась читать короткие слова: *лист* – *свист* – *твист*. Я люблю рифмовать слова, они так легче запоминаются. Прямо как на распродаже: купи одно платье, получи два бесплатно.

Потом пошли слова потруднее: *гусеница*, *тарантул*. Потом те, которые читаются не по правилам, – миссис В. их читала, а я запоминала: *конечно*, *счастливый*. Я выучила дни недели, месяцы, названия планет, океанов и континентов. Каждый день я впитывала новые слова, наслаждаясь ими не меньше, чем фирменным вишневым тортом миссис В.

Миссис В. усаживала меня на полу в подушки, раскладывала передо мной карточки, а я старательно передвигала их зажатым кулаком и составляла предложения – прямо как бусы из ярких камушков.

Иногда я нарочно составляла нелепые фразы, чтобы пошутить миссис В.: *«Карась решил сбежать. Не хочет в суп»*.

Мы выучили слова, чтобы можно было говорить о музыке. Я уже умела отличать Баха от Бетховена и сонату от концерта. Как-то миссис В. поставила диск с классической музыкой, чтобы я угадывала композиторов.

«Моцарт», – выбрала я правильный ответ среди разложенных на полу карточек, а потом показала на своем план-

шете голубой квадратик.

Миссис В. удивленно хмыкнула.

Когда зазвучал Бах, я выбрала правильную карточку и снова ткнула в голубой квадратик. А потом еще в фиолетовый.

Миссис В. озадаченно вскинула брови. Как объяснить ей, что музыка звучит для меня разными цветами? Увы, даже миссис В. не понимает меня до конца. Поэтому мы просто продолжали заниматься.

Мы слушали не только классику: был и хип-хоп, и старые эстрадные песенки. Разноцветные мелодии вились и струились вокруг миссис В., совсем как ее невообразимые наряды.

И еще мы гуляли – в любую погоду. А однажды миссис В. позволила мне промокнуть под самым настоящим ливнем! День был душный, жара стояла чуть не под сорок, я потела и злилась. Мы сидели на крыльце и смотрели, как наплывают тяжелые грозовые тучи. Миссис В. придумывала имя для каждой тучи и сочиняла про нее рассказик. Я знала, что позже все имена обязательно появятся на карточках.

– Смотри, этого толстяка зовут Нимбус. Он такой темный, такой сильный, что может разом сдуть все остальные тучки с неба. Он влюбился вон в ту Кучевую Тучку, но она балованная неженка, даже не смотрит в его сторону. Он сердится, собирается устроить настоящую бурю!

Как и предсказывала миссис В., толстяк Нимбус разразился грозой. Вода полились сплошной стеной, и сразу повеяло

прохладой и запахло дождем. Как же стало хорошо! Несколько капель упали мне на голову. Я засмеялась.

Миссис В. хитро взглянула на меня:

– Что, хочешь под дождь?

Я закивала. *Да! Да! Да!*

Миссис В. скатила коляску по устроенному папой пандусу и остановилась посреди лужайки под проливным дождем. Несколько секунд – и мы вымокли насквозь. Теплый дождь лил на волосы, стекал по лицу, рукам и ногам. Было так здорово! Я купалась под ливнем, как под душем! И хохотала!

Потом миссис В. отвезла меня в дом, растерла большим полотенцем, переодела и напоила теплым какао. К папиному приходу мы высушили волосы феном, дождь прекратился, одежда просохла – и никто ничего не узнал.

Всю ночь я каталась во сне на огромных шоколадных ту-
чах.

Глава седьмая

Мне всегда снятся сны. Во сне я все могу. Меня с радостью принимают играть в волейбол, ведь я так быстро бегаю! Я занимаюсь гимнастикой, кручу сальто и балансирую на бревне. Я отлично танцую сквэрданс. Часами болтаю с подружками по телефону. На переменах секретничаю с одноклассницами. А как я пою!

Но каждое утро на меня обрушивается реальность. Меня кормят, одевают, и я отправляюсь еще на несколько мучительно долгих часов в свой СК-5, разрисованный дурацкими рожицами.

За эти годы, кроме нескольких учителей, у нас сменилось несчетное количество помощников и помощниц. Они водят нас в туалет (не всех – Эшли и Карлу просто меняют подгузники), кормят обедом, помогают докатить коляску куда нужно, вытирают нам слюни, обнимают нас и жалеют. Думаю, зарплата у них средненькая, потому что долго на этой работе никто не задерживается. Хотя за то, что они делают, и миллиона мало. Люди не представляют, как с нами бывает тяжело.

И хорошие учителя у нас тоже долго не задерживаются. Их за это не виню: работать с нами – еще то удовольствие.

Но один раз нам все же повезло: у нас была по-настоящему-

му хорошая учительница. Ее звали миссис Трейси, она пришла к нам во втором классе, после визгухи миссис Хайятт и любителя викторин мистера Гросса.

Заметив, что я люблю книги, миссис Трейси принесла наушники, плеер и диски с аудиокнигами. Сначала она ставила мне всякую детскую чепуху, вроде Доктора Сьюза, которую мы с папой читали еще в мои два года. Несколько раз я сбрасывала наушники на пол, но учительница не ругалась – она поняла, что мне нужны книги посерьезнее.

Так я послушала все рассказы Энн Мартин из серии «Клуб нянек» – про школьниц, которые подрабатывали нянями, а потом все безумные «Ужасики» Роберта Стайна. После каждой новой книжки миссис Трейси задавала мне вопросы, а я безошибочно на них отвечала. Например, «Какой из этих предметов помог найти отгадку?» – спрашивала она и показывала мне камушек, морскую звезду и ручку. Ну конечно же, камушек! Учительница хвалила меня за правильные ответы и ставила следующую книгу. За тот год я переслушала все книжки Беверли Клири и почти полторы сотни историй про четырех маленьких детективов и собаку⁶. Я была счастлива.

Третий класс оказался катастрофой. Вообще предполагается, что уходящий учитель оставляет новому записи по каж-

⁶ Приключениям четырех сирот, которые, как настоящие детективы, распутывают непростые загадки, посвящена серия книг Гертруды Ворнер «Обитатели товарного вагона».

дому ученику, чтобы тому не пришлось все начинать с нуля: но то ли миссис Трейси забыла их оставить, то ли сменившая ее миссис Биллапс решила их не читать.

Каждое утро миссис Биллапс ставила нам свой любимый диск. Как же я его ненавидела! На диске были записаны популярные детские песенки: их тоненькими голосами исполняли дети, совершенно не умеющие петь. Интересно, почему взрослые считают, что нам должно такое нравиться?

Каждое утро – каждое! – миссис Биллапс врубала на полную громкость эти дурацкие песенки. Ясно, что настроение у нас всегда было хуже некуда.

И каждый день – каждый! – под отвратительные оглушающие звуки она повторяла с нами буквы. В третьем классе! – Смотрите, дети! Это буква «А». Ну-ка, скажите: «А-а!» Молодцы.

Она улыбалась и говорила «молодцы», даже если все молчали.

Интересно, в обычном третьем классе она бы тоже мусолила алфавит? Вряд ли. И это бесило меня еще больше.

– Переходим к букве «Б». Вот это буква «Б». Ну-ка, скажите: «Бэ-э!» Молодцы.

В ответ – тишина. Но миссис Биллапс это не смущало. Все уроки я пристально смотрела на диски и наушники, пылившиеся в углу.

Но однажды чаша моего терпения переполнилась: миссис Биллапс от букв перешла к звукам, которые они обозначают.

– Буква «Бэ» дает нам в слове звук «бы-ы», – громко сказала она, брызнув слюной. – Бы-ы! Ну-ка, все вместе скажем: «Бы-ы».

Тут наша всегда всем довольная Мария стала бросаться мелками. Вилли заорал. Я оглушительно заревела.

Я, конечно, не умею говорить, зато производить всякие громкие звуки – запросто.

Я редела, потому что не могла больше выносить эту дурость.

Я редела, потому что по-другому не могла заставить учительницу заткнуться.

Я редела, потому что никогда никому не смогу объяснить, что же на самом деле происходит у меня внутри.

Я редела и визжала, как двухлетний ребенок. И не могла остановиться.

Накатил очередной приступ. Тело забилося в судорогах, руки и ноги стали беспорядочно дергаться. От сильных рывков туфли выскочили из стремян на подножке коляски, и я сползла на бок. Мне стало так неудобно и обидно, что я завыла еще громче.

Миссис Биллапс совершенно растерялась. Она пыталась меня успокоить, но я не хотела успокаиваться. Даже помощницы не могли меня утешить. Заплакала Джилл, а за ней и Мария. Наряженная в желтое платье Эшли погрузнела. Фредди с испуганным видом носился вокруг меня на коляске. Карл стал орать, что хочет есть, и наложил в штаны. В

классе царил хаос. А я никак не унималась.

Миссис Биллапс побежала за директрисой. Та сунула нос в класс, увидела, что творится, бросила «Вызывайте мать!» и испарилась.

Учительница немедленно позвонила маме:

– Алло! Миссис Брукс? Вас беспокоит Анастасия Биллапс, учитель вашей дочери. Вы не могли бы сейчас же приехать в школу?

Конечно, мама испугалась. Со мной что-то случилось? Температура? Несчастный случай? Я истекаю кровью?

– Нет-нет, она не заболела. Думаю, она здорова, – говорила миссис Биллапс уверенным «учительским» голосом. – Просто она плачет, а мы не можем ее утихомирить. Из-за нее все остальные ученики как с ума посходили.

Бедная моя мама! Хорошо, что у нее был выходной. Зная, что она примчится через несколько минут, я начала понемногу успокаиваться. Остальные ребята тоже затихли, будто кто-то щелкнул выключателем.

А дебильная детская песенка все орала из динамиков.

Мама влетела в класс в рваных джинсах и растянутом домашнем свитере – значит, все бросила и сразу же вскочила в машину. Подбежала ко мне, обняла, стала расспрашивать.

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы окончательно успокоиться. Потом показала на алфавит, написанный у меня на планшете, и вскрикнула громко и сердито.

– Дело в алфавите? – спросила мама.

«Да», – показала я на планшете. И еще раз стукнула большим пальцем по слову «Да».

Мама повернулась к учительнице:

– Что вы делали перед тем, как Мелоди заплакала?

Миссис Биллапс, с явным превосходством в голосе – еще бы, она в строгом красном костюме с иголки, а мама в дра-ных джинсах, – стала объяснять:

– Что и положено. Мы повторяли алфавит. Если я не ошибаюсь, учили, какой звук означает буква «Б». С такими детьми главное – повторение, ведь они не способны усваивать информацию, как мы с вами.

Кажется, мама понемногу начинала понимать.

– То есть – вы повторяли алфавит?

– Именно.

– Сейчас февраль.

– Что, простите?

– Занятия начались в конце августа. И за шесть месяцев вы дошли только до буквы «Б»? – Мама сжимала и разжимала кулаки. Я ни разу не видела, чтобы она кого-нибудь ударила, но в такие моменты мне кажется, что она вполне на это способна.

– С какой стати вы мне указываете, что я должна делать на уроках? – раздраженно спросила миссис Биллапс.

– А с какой стати вы мучаете этих детей бессмысленными заданиями?

– Да как вы смеете? – вспыхнула миссис Биллапс.

– Я много чего смею, если дело касается моей дочери или остальных детей в этом классе! – мамин голос зазвучал угрожающе.

– Вы не понима... – начала миссис Биллапс, но мама не дала ей договорить.

– Нет, миссис Биллапс, это *вы* не понимаете! – Тут мама помолчала, будто изо всех сил старалась взять себя в руки, потом продолжила: – Послушайте, вы когда-нибудь говорили себе, сидя перед телевизором: если опять покажут эту рекламу, я закричу?

Миссис Биллапс медленно кивнула.

– Или в машине: еще минута в этой пробке, и я взорвусь?

– Да, наверное...

– Ну вот, что-то подобное произошло с Мелоди. Она подумала: если меня опять заставят учить букву «Б», я закричу! И закричала. По-моему, она ни в чем не виновата, а вы как считаете?

Учительница перевела взгляд на меня, потом снова на маму.

– Ну, если посмотреть с этой стороны... – кажется, миссис Биллапс тоже начала успокаиваться.

– Мелоди знает не только все буквы и звуки, она узнает на карточках несколько сотен слов. Она складывает и вычитает в уме. Я ведь говорила об этом на последнем родительском собрании! – Было видно, что мама очень старается снова не вспылить.

– Я думала, вы преувеличиваете. Родители не всегда адекватно воспринимают таких детей.

– Если вы еще раз назовете их «такими детьми», я тоже взорвусь, – предупредила мама.

– Но ведь у Мелоди действительно ограниченные умственные и физические возможности! – Миссис Биллапс очень хотелось поставить маму на место. – Вам надо смириться с этим.

Зря она это сказала. Мама взорвалась:

– Да, Мелоди не говорит и не ходит, но она очень, я повторяю, очень умная! И это *вам* придется с этим смириться!

Миссис Биллапс даже попятилась.

– Вы хоть читали записи предыдущего учителя? – Мама продолжала надвигаться на нее. – Мелоди с удовольствием слушает аудиокниги.

– Я стараюсь непредвзято относиться к ученикам. Не хочу полагаться на чье-то мнение. Возможно, эти записи и лежат в столе, но я в них не заглядывала.

– Ну так загляните!

– Не указывайте мне!

– Я сейчас взорвусь, миссис Биллапс, – с ядовитой улыбкой произнесла мама. – Да, вот еще что. Можно взглянуть на диск с вашей чудесной музыкой?

– Конечно, – на лице миссис Биллапс наметилась улыбка. – Дети очень любят эти песенки.

– Правда?

Учительница нажала кнопку «Стоп» на проигрывателе.
«Ля-ля-ля-ля...» оборвалось.

Вилли со свистом выдохнул.

Мама взяла протянутый ей диск, вытащила из сумочки пятидолларовую купюру, вложила ее в руку учительницы и с громким щелчком сломала диск пополам. Прямо у миссис Биллапс перед носом.

– Эти ваши песенки – просто изощренное издевательство!

Фредди и Мария засмеялись. Глория прошептала: «Спасибо».

На мгновение мне стало жалко миссис Биллапс. Вид у нее был глупый и растерянный. Она так ничего и не поняла.

Мама подошла к раковине, открыла теплую воду, намочила сразу несколько бумажных полотенец и не спеша вытерла мне лицо. Мокрые бумажные полотенца показались мне удивительно мягкими, а мамины руки – удивительно нежными. Потом она проверила все ремни на коляске, причесала меня, поцеловала на прощание и вышла из класса.

После весенних каникул миссис Биллапс не вернулась – до конца года уроки у нас заменяли разные учителя. Наверное, до нашего класса она думала, что работать с теми, кто глупее тебя, проще простого.

Она ошибалась.

Глава восьмая

Очень долго мы жили вчетвером: я, мама, папа и моя золотая рыбка Олли. Она появилась у меня в пять лет и прожила почти два года. По-моему, немало для золотой рыбки. Как ее зовут, знала только я, но это не важно. Рыбку мы с папой выиграли на ярмарке. Думаю, ей в жизни пришлось несладко, еще хуже, чем мне.

Маленький круглый аквариум с Олли стоял на столике в моей комнате. Дно было засыпано мелкими розовыми камушками, из которых торчала пластмассовая коряга, – сильно сомневаюсь, что в природе существуют камни и коряги таких цветов.

Весь день золотая рыбка плавала по кругу, изредка подныривала под корягу – и снова по кругу, вдоль стеклянной стены, всегда в одну сторону. Два раза в день, утром и вечером, когда мама бросала в аквариум корм, Олли подплывала к кормушке, заглатывала корм и какала, а потом снова принималась кружить по аквариуму. Я очень ее жалела.

Меня хотя бы вывозили на улицу, в магазин, в школу. А рыбка дни напролет плавала по кругу – кажется, даже не спала. Во сколько бы я ни проснулась, даже среди ночи, Олли кружила по аквариуму. И все время открывала и закрывала рот, будто хотела что-то сказать.

А однажды – мне тогда было лет семь – рыбка выпрыгнула из аквариума. Я как раз слушала радио – мама наконец-то сообразила, что я люблю музыку кантри, и поймала станцию, где ее крутили. Мне было очень хорошо и уютно: желто-оранжевые мелодии пахли лимонами, рыбка мирно плавала по кругу.

Вдруг Олли метнулась ко дну, рванулась вверх и выпрыгнула из аквариума. Она хватала ртом воздух и билась на столе. Ей стало нечем дышать, она вытаращила глаза, жабры оттопырились – бедная, когда прыгала, она и не догадывалась, что ее ждет за стенами аквариума.

Надо было что-то делать: без воды рыбка умрет очень быстро. Я громко заплакала. Мама почему-то не прибежала сразу. Может, вышла за почтой? Я заплакала еще громче. Закричала. Потом завизжала. А рыбка все билась на столе, хватая ртом воздух. Ей срочно нужна была вода.

Я вопила изо всех сил, а мама не шла. Где же она? Ждать больше нельзя! Я потянулась к столу, к аквариуму. Нужно было плеснуть на Олли немного воды, чтобы она продержалась еще чуть-чуть, до маминого прихода. Я зацепилась согнутыми пальцами за край аквариума и дернула. Аквариум опрокинулся, вода залила все: стол, ковер, меня, Олли. Мне показалось, что на пару секунд рыбке стало легче.

Все это время я громко ревела. Наконец-то по лестнице взбежала мама. Она распахнула дверь, окинула взглядом комнату, увидела перевернутый аквариум, умирающую зо-

лотую рыбку.

– Мелоди! Что ты наделала! Зачем ты опрокинула аквариум? Рыбка же умрет без воды! – закричала мама.

Ясно, что рыбы не могут жить без воды, – а из-за чего же я вопила, звала на помощь?

Мама бросилась к столу, схватила Олли, осторожно опустила ее в аквариум и побежала в ванную наливать воду. Но было поздно.

Золотая рыбка умерла: то ли слишком долго пробыла без воды, то ли вода в кране оказалась неподходящей температуры.

Вернувшись в комнату, мама еще раз меня отчитала:

– Твоя рыбка умерла, Мелоди. Зачем ты с ней так поступила? Она была такая маленькая, такая беззащитная. Ей было хорошо в аквариуме.

Сомневаюсь, что Олли сильно нравилось в аквариуме. Может, ей опостылело всю жизнь носиться по кругу над пластмассовой корягой, потому она и выбросилась. Просто дошла до точки. Иногда со мной тоже что-то такое бывает.

Объяснить маме, что на самом деле случилось, я не могла. Я ведь пыталась спасти Олли! Мама злилась на меня, а я на нее: приди она чуть быстрее, моя рыбка осталась бы жива. Я отвернулась, чтобы мама не видела, как я плачу.

Глубоко вздохнув, мама вытерла воду и ушла. Музыка все звучала, только цвета поблекли. На столе было пусто.

Еще долго мне не хотелось никаких домашних животных.

Но на мой восьмой день рождения папа принес домой большую коробку. В ней явно было что-то живое, и оно так и норовило выбраться наружу. Не успел папа опустить коробку на пол, как оттуда выскочил мохнатый золотой шар! Щенок! Щенок золотистого ретривера! Я завизжала от радости, задрыгала ногами. У меня появился щенок!

Золотой шар отправился исследовать комнату. Я следила за ним с восторгом. Обнюхав шкафы и ножки стола и стульев, щенок остановился посреди комнаты, убедился, что все на него смотрят, присел и надул лужу прямо на ковер. Мама вскрикнула – и щенок сразу понял, что она тут главная.

Опасливо обойдя маму, которая при помощи бумажных полотенец и какой-то пшикалки с кухни пыталась убрать с ковра, щенок принялся обнюхивать папины босые ноги. Потом он заметил коляску, с удивленной мордой сделал несколько кругов по комнате, понюхал колеса, понюхал мои ноги, оглядел меня и... запрыгнул ко мне на колени – так легко и привычно, будто проделывал это миллион раз. Я затаила дыхание, чтобы его не спугнуть. Щенок приподнялся у меня на коленях, пару раз переступил толстыми мягкими лапками, устраиваясь поудобнее, улегся калачиком и удовлетворенно вздохнул. Я тоже довольно вздохнула. Очень осторожно, чтобы не потревожить маленькое волшебное чудо, я провела рукой по мягкой золотистой шерстке.

Имя щенку – это оказалась девочка – я выбрала сама. Папа с мамой придумали миллион всяких глупых кличек, вро-

де Пушинки или Капучино, но я в первый же миг поняла, как будут звать мою собаку. На столике возле кровати стояла вазочка с моими самыми-пресамыми любимыми конфетами – молочными ирисками. Во-первых, их не надо жевать, они тают во рту, а во-вторых, они такие вкуснющие! Я кивнула головой в сторону конфет.

– Как ты хочешь ее назвать? – спросил папа. – Конфетка?

Я осторожно, чтобы не разбудить щенка, покачала головой.

– Карамелька? – попробовала угадать мама.

Я снова покачала головой.

– Вонючка? – сморщил нос папа, но мы с мамой только презрительно на него посмотрели. Я снова показала на вазочку с конфетами.

– Ириска! – наконец сообразила мама. – Да? Я угадала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.